

Марк Садовников

Анна Данилова

Черника на снегу

«Автор»

2009

Данилова А.

Черника на снегу / А. Данилова — «Автор», 2009 — (Марк
Садовников)

© Данилова А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

1	6
2	10
3	14
4	18
5	21
6	25
7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Данилова Черника на снегу

Дорогой папа! Митрес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности в
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

1

12 декабря 20.. г.

Рита

– Мира, представляешь, она танцевала прямо на снегу... Во всем фиолетовом! Смотрю – и глазам своим не верю! На улице мороз, а на ней тоненькое прозрачное платье, а на ногах – совсем ничего! Она была босиком!

– Уверена, что ты не сразу обратила внимание на то, что она босая. Ты наслаждалась прекрасным зрелищем – девушка в фиолетовом танцует на снегу. Я права?

– Отчасти. Да, это действительно было очень красиво. Кроме того, что на улице был мороз, дул небольшой ветерок, и одежда ее развевалась... И волосы... А потом пошел снег...

– Вот так все сразу: и мороз, и ветерок, и снег?

– Да, представь себе! Можешь, конечно, не поверить, но это чистая правда. У нее длинные волосы каштанового оттенка, и когда снег ложился на кудри, это было действительно очень красиво... Я даже подумала сначала, что это сон. Знаешь ведь, какие странные мне снятся сны... Кстати, о снах. Не могу не рассказать. Вот вчера, к примеру, приснился и вовсе удивительный сон. Представь себе небольшую комнату в старом доме...

– А откуда тебе известно, что это старый дом?

– Не знаю. Вернее, знаю, что он был старым. С высокими потолками. И комната какая-то серая, гулкая, с круглым столом посередине. И по стенам – дьяволы, черти... Призраки какие-то, что ли. Словом, во сне, я знаю, что это нечистая сила. В разных видах. Они окружают и меня, и стол... И вот под этот стол идет девочка в шляпке. Спокойно так, с достоинством идет, прямо-таки несет себя, уверенно ступает ножками... Раз – зашла под стол, она же маленькая... И снова идет, снова из угла комнаты выходит и идет под стол... Она – полупрозрачная. И я в какой-то момент понимаю, что мне надо от нее избавиться, что она может принести мне неприятности, я боюсь ее, наконец!

– И что же – ты убиваешь ее?

– Мира... Подожди. Не опережай события. Все гораздо интереснее и страшнее. Я вдруг подбегаю к ней, хватаю ее за ногу, дергаю изо всех сил, и ее нога остается в моих руках... Я смотрю и глазам своим не верю – вместо ступни или хотя бы туфельки ее нога заканчивается копытцем... И я словно лишний раз уверяюсь в том, что она – сатанинское отродье, если не сам сатана...

– И что потом?

– Я проснулась, конечно.

– С копытом в руке?

– Тебе смешно? А мне, если честно, было страшно.

– Успокойся. Хороший сон. Значит, ты поймала самого дьявола за ногу, остановила его.

– Думаешь?

– Уверена. Так что с твоей танцовщицей? Куда она делась? Исчезла? Или ее ступни тоже превратились в копытца?

– Нет, у нее очень красивые ступни. И вся она – само изящество.

– Ты вышла из дома и подошла к ней?

– А ты бы как сделала? Мира? Разве тебя не заинтриговало бы, если бы за твоим окном в загородном доме, между сугробами, в окружении елей, в дивной красоте появилась чудесная девушка в...

– ...фиолетовом... Я слышала. И дался тебе этот фиолетовый цвет!

– У нее не простое платье, оно сшито словно из лепестков ирисов... Ты же знаешь, как я люблю ирисы.

– Что дальше? Ты подошла к ней?
– Да. Закуталась в шарф и вышла из дома. Мне надо было проверить, что это реальность.
– А дома еще кто-нибудь был?
– Нет. Мама с Фабиолой отправились в гости к соседям, я была совершенно одна.
– А если бы ты не подошла к окну?
– Думаю, она бы замерзла...
– Постой! Я ничего не понимаю. Итак. Ты подошла к ней. И что? Она оказалась самая настоящая?
– Да. У нее уже зубы стучали от холода, когда я подошла к ней. Спрашиваю: вы кто? Что здесь делаете?
– А она продолжает делать какие-то танцевальные движения... И глаза у нее ну совершенно безумные... И зрачки расширены... Хотя начало уже смеркаться, и про зрачки я, вероятно, нафантазировала. Словом, она явно была не в себе. Я взяла ее за руку и потащила за собой. С такими, как она, надо поступать решительно, не давая им опомниться. И она покорно пошла за мной.

Рита закрыла глаза и снова словно увидела эту танцующую девушку. Разговор с Мирой, которая иронизировала почему-то по каждому поводу, уже стал ее напрягать.

– Ладно, Мира, мне пора... Потом созвонимся, хорошо? Все. Целую.

Она положила трубку и еще какое-то время смотрела в окно, на падающий снег. Все вокруг было такого же удивительного, ирисового цвета, даже снег... И где взять эту фантастическую краску, отливающую всеми оттенками лилового, чтобы написать этот зимний вечер, эти поглубевшие ели, этот ирисовый снег...

Девушка действительно оказалась реальной. Продрогшей, с забившимся в волосы снегом, с обледеневшими ногами, в тонком прозрачном платье... Оказалось, что ее бросил парень. Ушел к какой-то балерине. Вот она на какое-то время и сошла с ума. Решила доказать всему миру, что она тоже умеет танцевать... Словом, ей требовалась помощь, и Рита предоставила ей свой кров, еду и горячее вино.

– Но как ты оказалась здесь? В Пристанном? Ведь это же далеко за городом... Как ты сюда забралась? – спросила Рита у девушки.

– Не знаю... Я ничего не знаю и не помню. Кажется, я вышла из дому и шла по дороге... Потом как-то оказалась в машине... – Ее зубы стучали о край бокала с вином. Она сидела, укутанная в теплую кофту, во фланелевых Ритиных домашних широких штанах, шерстяных толстых носках. – И потом – вот здесь...

– Что, прямо вот так, в легком платье, тебя сюда и привезли? Это что же за бессердечный осел такой смог бросить тебя на снег? Ты хотя бы запомнила его?

– Не знаю... – Девушка поежилась. – Ничего не знаю. Вернее, знаю только, что мне очень холодно.

– Это твое платье?

– Да, мое.

– Тебе его сшили?

Рита задавала самые разные, иногда, казалось бы, даже бессмысленные вопросы, лишь бы понять, в каком состоянии находится ее неожиданная гостья и следует ли ей вызвать знакомого доктора, чтобы тот хотя бы посоветовал, что с ней делать.

– Нет, подарили.

– Ты – профессиональная танцовщица?

– Нет. А что? Мужчины любят только балерин? – Она бросила на Риту испуганный взгляд. – Но я умею танцевать. Вы же видели...

Рита вдруг поймала себя на том, что испытывает чувство, какое может испытывать человек, нашедший клад (или просто кошелек, какую-то ценную вещь) и не собирающийся возвращать это хозяину (государству). Очень приятное, будоражащее чувство. Она смотрела на эту девушку и, признаваясь себе в том, что ее мало интересует ее судьба (!), мечтала написать ее портрет. Он так и будет называться: «Фиолетовая танцовщица». Она уже видела этот портрет. Но не традиционный, а фантазийный, со снегом, ветром, холодом и этим чудесным фиолетовым платьем. Но главным в этом портрете, конечно же, будет выражение лица девушки – отрешенное, полусумасшедшее, страдальческое. Это будет драма, кусок жизни девушки, ее боль, страдание, отчаяние! Конечно, портреты – не самая сильная сторона ее творчества, и большинство почитателей и коллекционеров, покупающих ее работы, знают ее как автора натюрмортов. Но должна же она развиваться, совершенствоваться. Пейзаж – это холодный, бездушный натуралист. А здесь – живая, красивая и очень интересная натура.

Решение пришло само.

– Вас как зовут? – спросила Рита.

– Наташа.

– А меня – Рита. Судя по тому, в каком состоянии вы находитесь, у вас сейчас не все благополучно в жизни. Вот я и подумала, что могла бы приютить вас у себя, постараться сделать все возможное, чтобы вы пережили самые трудные часы и дни своей жизни здесь, у меня дома, в тепле, комфорте, в моей компании. Не скрою, у меня имеется вполне определенный интерес... Я – художница и хотела бы написать ваш портрет.

Щеки у Наташи порозовели, она начала приходить в себя. Посмотрела внимательно на Риту.

– Да вы не подумайте ничего такого, просто я не знаю, как мне дальше жить. Что же касается вашего предложения, то я уверена, что через пару часов моего пребывания здесь вы и сами пожалеете о том, что взяли меня под свое крыло. Я же постоянно плачу, понимаете?

– Но, танцуя, вы не плакали, – возразила Рита.

– Просто я находилась в таком странном состоянии... Как бы между небом и землей.

– Есть такой роман Марка Леви. Не читали?

– Нет, не читала. Я, знаете ли, вообще мало читаю.

– А чем вы занимаетесь?

– Когда-то, в моей прежней жизни, еще когда я была с Федором, работала у него менеджером, мы занимались продажей сувениров... У него целая сеть магазинов. Сейчас же, после того как он меня бросил, я и не знаю, чем буду заниматься.

– Вы жили с ним или у вас есть свое жилье?

Рита улыбнулась про себя, подумав, что Марк Садовников, ее муж, следователь прокуратуры, оценил бы ее искусство вести допрос. Спокойно, ненавязчиво, ловко выпытывая всю информацию.

– У меня есть квартира, я там жила одна. Встречались мы в основном у Федора. Он выкупил чердак в одном элитном доме, оборудовал его, выложил итальянской мозаикой террасу, а я помогла ему выбрать растения, цветы... Мы посадили даже маленькую иву. Еще там были качели. И вот теперь на этих качелях качается совсем другая девушка. Смотрит на мои олеандры, гортензии и думает, что все это уже принадлежит ей...

– Может, мы хотя бы на время забудем Федора? Вы, Наташа, такая красивая девушка, что легко найдете себе другого, более надежного и порядочного молодого человека. Ну так как? Согласны?

– Позировать вам? Но, говорю же, вы сами скоро пожалеете об этом.

– Почему? – Неприятный холодок пробежал по спине Риты. В сущности, она привела в дом полусумасшедшую девушку, не зная о ней совершенно ничего. А вдруг она какая-нибудь аферистка?

Раздался звонок. Это была Мира.

– Послушай, подруга, а вдруг эта твоя девушка – аферистка и собирается ограбить тебя? У тебя в мастерской сейчас два готовых натюрморта, стоимостью по пятьдесят тысяч евро. Ты вообще что-нибудь соображаешь?!

– Я поняла тебя... Спасибо.

Рита вышла из комнаты, чтобы ее комментарии не смогла услышать Наташа.

– Не можешь говорить? – Тон Миры смягчился. Она словно жалела Риту. – Но ты подумай сама, насколько все это опасно! К тому же с минуты на минуту вернется твоя мама. Как, ты полагаешь, она отнесется к тому, что ты притащила в дом незнакомую девушку?

– Думаю, что она сразу же примется что-нибудь готовить, чтобы накормить ее, – Рита заговорила приглушенным голосом. – Я же ее дочь, мы с ней в этом плане похожи.

– Хорошо. А вот вернется Марк... он как к этому отнесется?

– Мира, но нельзя же постоянно думать о грабителях и преступниках! Достаточно того, что этим болен Марк, ему повсюду мерещатся убийцы, воры, насильники... Если бы ты только знала, как он переживает из-за Фабиолы! Она еще совсем маленькая, а он уже заранее беспокоится о ее будущем, о том, за кого она выйдет замуж.

– Рита, прошу тебя, будь осторожна и не дай себя обмануть и ограбить. Да, забыла спросить: она красивая?

– Да. Очень!

– Тогда тем более будь осторожна.

– Спасибо тебе, подружка. Целую тебя...

Рита вернулась в комнату и нашла Наташу спящей. Рита принесла из мастерской альбом, уголь и принялась делать наброски. Нет, она не ошиблась, Наташа – идеальная натурщица. Пусть она подольше поспит...

2

1 декабря 20.. г.

Алекс

«Он только начал вставлять ключи в замок, а меня уже всю трясет... И так – каждый день. Он приходит с работы, отпирает двери своими ключами, пыхтит в прихожей, разуваясь и надевая домашние тапочки. Сейчас он войдет в комнату и скажет: «Добрый вечер, Саша, как дела?»»

В дверях гостиной появляется невысокий плотный человек, Юрий Львович Гарашин. Под пиджаком толстый малиновый пуловер. На лысине блестят капли пота. Воротник белой рубашки расстегнут. Крупный нос с горбинкой, тонкие губы растянуты в улыбке, взгляд маленьких карих глаз не выражает ровным счетом ничего.

– Добрый вечер, Саша, как дела?

Вот если бы тебя не было, старый ты сын, тогда и были бы какие-то дела! Тогда бы началась совсем другая жизнь. Если бы ты только знал, как же я ненавижу тебя, как мне противно смотреть на твою лысину, на твои тонкие губы, на этот твой малиновый пуловер....

– Вообще-то все знакомые называют меня Алекс, – напоминаю я ему.

Я моложе его на десять лет. Я – натуральная блондинка с зелеными глазами, но иногда ношу бирюзовые линзы. Меня это забавляет, к тому же они прекрасно сочетаются с моей бирюзовой кожаной курткой. Мне кажется, что так я выгляжу даже моложе и интереснее. Мой муж невысок, его макушка находится на уровне моего подбородка. Когда я принимала решение выйти за него замуж, его рост интересовал меня меньше всего. Меня привлекали в нем его квартиры, деньги и мебельные цеха. За время нашего брака он построил еще две мебельные фабрики, открыл пять магазинов, выкупил землю в живописном месте на берегу Волги и начал строительство гостиницы. Я часто смотрю на него и задаю себе вопрос: как мог такой вот тихий и неприметный человек с ворохом отрицательных привычек, душевных качеств и дрянного характера так разбогатеть, так развиться? Ведь ему постоянно приходится работать с людьми. Неужели они не замечают всего того, что давно уже отравляет жизнь мне? Хотя откуда им знать, что в раздетом виде он похож на волосатую сутулую обезьяну, что он по несколько раз в день меняет носки из-за дурно пахнущего грибка, что тумбочка в его изголовье набита разного рода кремами, мазями, таблетками... Что он храпит так, что рядом с ним невозможно заснуть, и что мне приходится постоянно трясти его и говорить ему в самое ухо: перестань храпеть! Удивительное дело, но он сразу же перестает. Вероятно, мой звуковой сигнал тотчас же поступает в головной мозг, который, в свою очередь, дает приказ носоглотке прекратить храп.

Меня зовут Александра, но мне нравится, когда меня зовут Алекс. Красиво. Но странное дело, когда меня называют Алекс, я и ощущать себя начинаю, как Алекс, и мне кажется, что моя жизнь наполняется иным смыслом. Когда я Саша – я делаю вид, что меня все устраивает. Я безропотно ухаживаю за своим мужем, кормлю его, глажу его рубашки и стараюсь не думать о том, что я несчастна. Когда же я Алекс – мне начинает казаться, будто моя жизнь проходит мимо меня, что я достойна лучшей доли. Лучшего мужа и лучших декораций моей единственной и такой драгоценной для меня жизни. Мне хочется жизни типа люкс, понимаете? Понимаю, сама все понимаю, что это – наиглупейшая игра, но жить-то как-то нужно, невозможно стоять на месте и не развиваться. Алекс хочется новых ощущений, впечатлений, она хочет много и всего, в отличие от спокойной и уравновешенной, всегда и всем довольной Саши, Шуры...

Шура иногда даже благодарна Юрию за то, что из-за его уровня жизни она нигде не работает, что весь смысл ее жизни заключается в том, чтобы в семье был порядок, все на своих местах. Саша с самого утра ходит по квартире и все складывает аккуратными стопочками, поливает цветы, варит борщ, крутит котлеты, чистит унитаз, доводит до блеска зеркала. Алекс же обедает в ресторанах и мечтает о домработнице. А еще она лютой ненавистью ненавидит Гарашина и мечтает его убить.

Конечно, этих моих строк не увидит никто, поэтому я могу написать здесь все, что думаю. А думаю я в основном о том, каким образом мне убить мужа.

Я прочитала великое множество романов об убийствах мужей. В основном при этом, конечно, используются различные яды. Но где мне взять яд? Где? Словно можно вот так запросто прийти в аптеку и попросить яду для мужа! Пожаловаться аптекарше на него, вызвать в ней, разбирающейся в химии и, соответственно, в ядах, жалость, рассказать о том, до какой степени можно ненавидеть мужчину, и получить из ее рук пузырек со смертью. Поблагодарить ее за этот подарок, расцеловать, как сообщницу, прийти домой, плеснуть яду в чай или кофе мужа, и – дело в шляпе!

– Что у нас сегодня на ужин? – Гарашин идет в ванную комнату, моет руки, затем осушает их полотенцем, тщательно протирая каждый палец. Покидает ванную, идет в кухню, подходит к окну и смотрит в него, даже не замечая моего присутствия – ждет ужина.

– Куриный суп и жареная картошка с селедкой, – говорю я, чувствуя, как во мне поднимается во весь свой рост Алекс, как протестует она против своего унижительного положения служанки, рабыни. Про себя я продолжаю: «Чтобы ты подавился, сучий потрох, чтобы ты исчез с лица земли, чтобы тебя не было, не было!!!»

– Отлично.

Он садится за стол, я наливаю ему суп, представляя себе, что он отравлен. Гарашин в предвкушении наслаждения едой потирает ладони, устраивается поудобнее на стуле, берет ложку и принимается есть отравленный суп. Представляю, как он вдруг хватается за горло, стискивает его побелевшими пальцами, как закатываются его глаза, как изо рта показывается кровавая пена, как он падает на пол и бьется в конвульсиях...

– Это суп из домашней курицы?

– Да, – покорно отвечает Саша-Шура.

– На базаре купила?

– Да, – огрызается Алекс.

– Какой прозрачный, желтый бульон. Вот что значит настоящая курица. Очень вкусно!

Я смотрю, как он ест, и не чувствую ничего, кроме прилива тошноты. Хочется взять его за уши и ударить головой о стол, чтобы мордой – в тарелку! Хочется увидеть его мокрое от бульона и красное от удара и удивления лицо. Он бы не понял, кто мог так с ним поступить, поскольку и мысль о том, что это я, не могла бы у него возникнуть. Может, в квартиру ворвались посторонние, бандиты? Но, подняв голову, он увидел бы только меня. Интересно, что бы он сделал? Тоже макнул бы меня физиономией в суп? Или ударил бы наотмашь по лицу? На что он способен в такой момент? И способен ли он вообще на что-то решительное, отчаянное?

Интересно, у него есть любовница? И как он с ней обращается? Много ли дает ей денег? Извиняется ли перед ней, когда у него ничего, как у мужчины, не получается? Меняет ли он в ее присутствии носки? Целует ли ее в губы или ограничивается бледным поцелуем в щеку или лоб? Сколько ей лет? Хочет ли она, чтобы Гарашин развелся со мной и женился на ней? Хочет ли сам Гарашин что-либо изменить в своей жизни? Кажется, он хотел детей. Вернее, захотел, когда мы оба поняли, что у нас их не будет. Опомился! Сколько книг я прочитала и фильмов просмотрела, где женщина мстит мужчине за аборт? Но нет, я благодарна Гара-

инину за то, что он настоял на моем первом (и, как выяснилось позже, последнем) аборте. Дети нужны лишь там, где есть любовь. Там же, где ее нет, детей быть не должно, это преступление, и я точно это знаю. Я сама из такой семьи, где не было любви. Мои родители не любили друг друга, моя мать тоже вышла замуж за моего отца по расчету. Я вся пошла в нее. У моей матери всегда были любовники. Думаю, они есть у нее и сейчас. Хотя у нее же молодой муж... А вот у меня есть любовник! Вернее, у Алекс. У красивой, роскошной и распущенной Алекс. Алекс не может без любовников. Она требует любви, поклонения, подарков, внимания. А еще она хочет, чтобы ее любовник, пылкий и восторженный Ванечка, пошел ради их любви на убийство.

Пылкий... Восторженный... Все бы так, если бы не одно обстоятельство. Он слишком слабый и бесхарактерный для такого. Он никогда не сможет никого убить. К тому же, что немаловажно, у него нет особой причины для этого. Он не так глуп и отлично понимает, что я и без того всегда буду с ним, что я появлюсь по первому зову, звонку, эсэмэске, что в его жизни после совершенного им убийства ничего-то не изменится, если не считать риска быть вычисленным, пойманным, арестованным, осужденным, заключенным.

Придется мне действовать самостоятельно. Добывать яд. Растворять его в чашке с чаем. И смотреть, как ненавистный Гарашин будет корчиться в предсмертных судорогах.

Хотя если разобраться хорошенько, то Гарашин не заслуживает смерти. В сущности, он неплохой человек, а потому следственным органам, которые займутся его убийством, будет непросто найти мотив и убийцу. Тем более что наша семья внешне выглядит вполне дружной, почти идеальной. Когда мы появляемся на людях, нас воспринимают как влюбленную пару. Это так. Поэтому причину его смерти, точнее убийства, станут, скорее всего, искать в его профессиональных занятиях. Начнут копаться в его отношениях с подчиненными. Но раз так, то мне следует в этом органам помочь; и убийство мужа совершить, уж конечно, не в нашей квартире, а где-нибудь в нейтральном месте. Да еще обставить все таким образом, чтобы направить следствие – сразу же! – по ложному пути. Вот, собственно, и все.

– Ты сегодня какая-то грустная, – говорит он, промокая губы салфеткой. – На тебе просто лица нет. Может, тебе нездоровится?

Его взгляд становится более теплым, человечным. Словно он на самом деле жалеет меня. Он же понятия не имеет о том, что я только что мысленно убила его. Отравила.

Вот, кстати, важная тема. Я возвращаюсь к ней снова и снова. Яд! Где бы раздобыть яду? Понятное дело, что не в аптеке. Но где же тогда? Или, быть может, все-таки нанять кого-нибудь, чтобы сделали за меня эту грязную и опасную работу? Но кого можно нанять? Все это слишком опасно. И я не знаю ни одного человека, которому я могла бы довериться. Разве что Алла...

Алла – это моя самая близкая подруга. Близкая, но не настолько, однако, чтобы она могла знать о моих планах относительно Гарашина. Она осведомлена о Ванечке, причем я рассказала ей о его появлении в моей жизни довольно-таки извращенным способом: как если бы рассказывала о некой другой моей подруге, посвящая Аллу в хронологию ее поступков, радостей и ошибок. Так мне было легче, чем рассказывать о самой себе. Но, думаю, Алла все поняла... и понимает.

Любовник – это святое. Подруги, как правило, знают о твоих любовниках. Подруга необходима, чтобы постоянно держать ее в курсе своих отношений с любовником, чтобы выслушивать ее советы, чтобы твоя новая, наполненная переживаниями жизнь не казалась тебе такой уж страшной. Слишком много всего нового, необъяснимого. Ты ищешь ответы на свои многочисленные вопросы у подруги, которая, как тебе хочется верить, уже прошла через все это, и она всегда подскажет тебе, как себя вести. И хотя ты в большинстве случаев все равно

разбиваешь себе лоб о свой же опыт, подруга тебе бывает нужна уже хотя бы для того, чтобы позволить тебе поделиться с ней собственным опытом и помочь зализать твою рану.

Когда тебе плохо, когда твой любовник подолгу не звонит тебе, ты становишься страшной эгоисткой и начинаешь, сама того не замечая, заполнять время, да и жизнь своей подруги, собой – своими проблемами, слезами, соплями и истериками. Тебе кажется, что это единственно верный способ как-то облегчить собственные страдания. Тебе кажется, что у твоей-то подруги, в отличие от тебя, все в порядке, а потому ничего страшного не случится, если ты взвалишь на нее свои проблемы, если будешь звонить ей каждые четверть часа, оповещая ее о своих переживаниях, если и вовсе не поселишься у подруги – пережить это трудное время.

И все-таки любовник – это не признание в готовящемся убийстве. К тому же, скрывая от близкой подруги свое намерение разделаться (или избавиться, как вам будет угодно) с мужем, ты ее тем самым как бы спасаешь, избавляешь от возможности (или риска) быть привлеченной по делу об убийстве. Она в этом случае не сможет проходить по этому делу в качестве твоей сообщицы. В качестве свидетельницы, пожалуй, да. И ничего особенного в этом нет. Она всегда сможет подтвердить алиби на момент убийства и расскажет следователю о том, какие замечательные отношения были между мной и Гарашиным (уж на это у подруги хватит ума, тем более что она-то может предположить, что это ты уколошила собственного мужа, а потому ей, подруге, просто по штату положено покрывать тебя – кто знает, может, и она когда-нибудь отправит своего мужа, и в этом случае я смогу пригодиться ей так же, как и она мне сейчас).

Гарашин хочет любви. Он подходит ко мне, сытый, спокойный, смотрит на меня так, что я понимаю, чего он хочет, и покорная Саша, как овца, идущая на заклание, плетется за ним в спальню.

Алекс же, усевшись на подоконнике, смотрит ей вслед с презрением. Потом берет телефон и звонит Ванечке.

Осталось совсем недолго, недолго, недолго...»

3

13 декабря 20.. г.

Марк

Молодая женщина лежала на полу в кухне, в луже воды. Налицо были попытки вернуть ее к жизни. Кто-то, кто находился поблизости от нее незадолго до смерти, пытался заставить ее облегчить желудок, делал промывание. На столе стояла пустая банка с остатками воды, на полу – мокрые полотенца. Повсюду беспорядок, как бывает, когда человек в панике пытается что-то найти, как-то спасти умирающего. Но все оказалось бесполезным. Женщина была мертва.

Судмедэксперт, Борис Анджан, плотный красивый брюнет, осматривал труп.

– Что скажешь, Борис? – спросил Марк, так и не сумевший за долгие годы привыкнуть к смерти молодых женщин и всякий раз переживавший по этому поводу. – Отравление?

– Думаю, да. Но мне требуется сделать ряд анализов, чтобы выяснить, чем именно она была отравлена.

– Как ты думаешь, при беглом осмотре можно утверждать, что ее никто не заставлял принять этот яд? И – с чем она его приняла?

– Марк, всему свое время. Одно могу сказать – видимых следов насилия не наблюдается. Следов инъекций я тоже пока не заметил, хотя она же одета... Как видишь, все ее лицо в красных крапинках – это сосуды на коже полопались от рвоты... А она была до этого, судя по всему, физически вполне здоровая женщина, крепкая, красивая, как обычно...

– Вот это ты правильно заметил – как обычно. В последнее время погибают почему-то красивые женщины.

– Натуральная блондинка, смотри, ни следа краски на волосах. Женщина, можно сказать, холеная, ухоженная. Смерть наступила сегодня, приблизительно, между 9 и 10 часами утра, то есть совсем недавно.

Марк между тем крутил в руках ее паспорт, который он нашел в ящике письменного стола в одной из комнат квартиры, где обнаружили труп.

– Гарашина Александра Николаевна. Двадцать пять лет. Замужем за Гарашиным Юрием Львовичем, тридцати шести лет от роду. Детей, как видно из паспорта, они не нажили. Судя по обстановке, семья обеспеченная, много дорогих вещей. Интересно, и где же ее муж? И не он ли пытался ее откачать?

– Марк, может, это все-таки самоубийство? – предположил Борис Анджан. – Ну... Надо-ело девушке жить, вот она и...

– Да, все может быть, только тогда непонятно, кто устроил весь этот бардак в кухне и почему он скрылся?

– Может, она сама все и устроила. Выпила яду, а потом передумала умирать и принялась метаться в кухне, пытаясь спастись, напилась воды, вызвала рвоту... Носилась по кухне, опрокидывая все на своем пути, судорожно хватаясь за ускользающую жизнь...

Соседка, обнаружившая труп, женщина лет тридцати с небольшим, брюнетка с серыми грустными глазами, всем своим видом демонстрировала покорность и кротость. Она села перед Марком, смиренно сложив руки на коленях.

– Как вас зовут?

– Алла.

– Фамилия?

– Спиридонова.

– Можно посмотреть ваш паспорт?

Соседка принесла паспорт.

– Расскажите, Алла, как случилось, что вы вошли в квартиру? При каких обстоятельствах вы обнаружили труп, не слышали ли перед этим каких-нибудь криков... Что вы вообще можете сказать о семье Гарашиных?

– Знаете, мне как-то не по себе... – Женщина как-то вся подобралась, сжалась, тяжело вздохнула. – Они – хорошие люди. Добрые, приветливые, отзывчивые. Когда что надо, – а мы с мужем купили здесь квартиру недавно, – мы всегда обращались к Юре и Алекс.

– Алекс?

– Да, она сама попросила ее так называть. Сказала еще, что имя Саша – какое-то несовременное, деревенское и бесполое, что ли...

– Понятно. Какой она была?

– Вы же видели... Красивая, яркая, ей ничего не стоило быть доброй, милой... У нее все было, и она щедро со всеми делилась. Она даже в долг нам дала, полторы тысячи долларов, когда мы покупали мебель. Правда, мы расплатились, можете спросить у Юры.

– Юра – это ее муж. Где и кем он работает?

– У него свой бизнес. Он состоятельный человек. Не жмот. Алекс никогда не жаловалась на мужа. Знаете, иногда богатые мужья экономят на своих женах, держат их в черном теле, а в этой семье все было в этом плане благополучно. Да и вообще, они любили друг друга, и только одно омрачало их, казалось бы, безоблачную жизнь – это отсутствие детей. Причем оба – здоровые, никаких физических проблем, я имею в виду, не было. Господи, мне не верится, что Алекс умерла! Я видела ее труп... Хотя я и не медик, но как-то поняла, что она отравилась, и, судя по беспорядку на кухне, ее кто-то пытался спасти, ей делали промывание желудка... Но никаких криков я не слышала...

– Какие крики вы имеете в виду?

– Ну... там... Когда человек выпил яду, и у него начинают гореть все внутренности... Я недавно посмотрела фильм «Мадам Бовари», так она там так кричала! Словом, ничего подобного я не слышала. Хотя если бы даже бедная Алекс и кричала, то вряд ли я услышала бы. Здесь, в этом доме, толстые стены, хорошая звукоизоляция.

Она задумалась, словно вспоминая что-то.

– А семья была, как я уже, наверное, говорила, хорошая. Они отлично ладили друг с другом. Да, вы спрашивали, как я оказалась в квартире. Просто зашла. Я иногда заходила к Алекс – выпить кофе. У нас с ней был ритуал такой. Когда выдается свободная минутка, мы вместе пьем кофе. Мы же не работаем... – пробормотала она извиняющимся тоном, чем удивила Марка.

– За кофе женщины делятся какими-то своими женскими новостями, проблемами...

– У нее не было особых проблем. Разве что она скучала по мужу, когда его долго не было дома. Говорила, что он живет ради своей работы, что это просто невозможно, что им следует побольше бывать вместе. Иногда жаловалась на свою мать... Вот тут-то ей не позавидуешь, это так... Представляете, у Алекс был парень, когда она была совсем юной. Его звали Вениамином. Так вот, в него влюбилась ее мать, Валентина Сергеевна. И отбила его у дочери! Даже вышла за него замуж. Не то чтобы она разбила жизнь дочери, нет, я бы так не сказала...

– Постойте, вы же сказали, что знали Алекс не так уж долго, что вы недавно переехали сюда с мужем...

– Да. Это так, – порозовела от смущения свидетельница. – Но Алекс сама мне рассказывала. Но она преподносила это, надо отдать ей должное, не как трагедию, а говорила об этом с иронией, да, с убийственной иронией... Она была сильным человеком. Но мать свою она не простила, она говорила мне об этом. Хотя они поддерживали какие-то нейтральные отношения, перезванивались, но очень редко.

– А тот мужчина... Муж ее матери, бывший возлюбленный Алекс? – спросил Марк, которому вся эта история показалась довольно интересной в плане возможных версий. А что, если смерть Алекс как-то связана с этой старой семейной историей?

– Вы хотите спросить, не появлялся ли он у Алекс?

– Да.

– Я, во всяком случае, не видела.

– А муж ее, Юрий Гарашин, знает об отношениях своей тещи с Алекс, и вообще, об этом любовном треугольнике?

– Да, безусловно, знает. Но Алекс не давала ему повода для волнения или ревности. Говорю же, ее отношения с матерью в последнее время носили характер, как бы это поточнее сказать, дежурных, что ли... Словом, они практически не встречались, лишь перезванивались, чтобы узнать о здоровье друг друга. Они даже с Новым годом друг друга не поздравляли. Это я точно знаю. Алекс это комментировала...

– У нее были любовники?

– У Алекс? – Соседка закатила глаза и замотала головой. – Вы что?! Нет, никого у нее не было. Она любила своего мужа!

Марк позвонил Локоткову, попросил его выяснить все о муже погибшей, и, хотя интуиция подсказывала ему, что это все же убийство, а не самоубийство, он спросил на всякий случай у свидетельницы:

– Как вы думаете, ваша соседка могла покончить собой? У нее могли иметься для этого причины?

– Думаю, что, если покопаться в душе каждого человека, то, возможно, найдутся причины для самоубийства. Различные ситуации в жизни бывают... – загадочно произнесла Алла.

– Вы что-то знаете? – Марк задавал ей вопросы уже без всякого энтузиазма, как человек, убедившийся в том, что ничего существенного он уже не выяснит.

– Вам будет странно, наверное, такое услышать, но я скажу вам то, что думаю... Повторяю, не принимайте мои слова всерьез... – Щеки молодой женщины снова налились розовым цветом, а в глазах блеснула искра безумия. – Понимаете, Алекс была непростой женщиной. И мне не хотелось бы, чтобы ее воспринимали как самоубийцу. Это слишком просто для нее! Она была, повторяю, яркой, оригинальной личностью. И если ее муж воспринимал ее как обыкновенную женщину, как простую домохозяйку и называл ее при всех Сашей, то для всех остальных она была другой...

Марк ничего не понял.

– Простите, но почему вам так хочется думать, что ее убили, что это не было самоубийством? – Он пожал плечами, с грустью решив, что видит перед собой женщину, находящуюся явно не в себе. – Вам так будет легче?

– А вы не находите, что когда женщину убивают, то это всегда наполнено тайной? Одно дело, когда женщина выпила, скажем, уксусной эссенции и померла, другое – когда ее убил кто-то неизвестный и неизвестно за что... Это означало бы, что у нее была какая-то тайная часть жизни, о которой никто не знал.

– Но вы же сами сказали, что у нее не было любовника.

– Тайна, господин следователь, это не всегда любовник! – возмутилась Алла. – Мало ли какой образ жизни она вела, называясь Алекс? Пока муж думал, что его жена Саша варит щи и гладит его рубашки, Алекс в это время могла заниматься каким-нибудь интересным делом, бизнесом... я не знаю... Она могла, сказав мужу, что переночует у подруги на даче, отправиться на самолете в Грецию или Париж... Понимаете, о чем я?

– Очень интересно. И часто женщины позволяют себе подобное? – Марк вдруг улыбнулся, представив себе, что его жена Рита, отправляясь в Пристанное, в их загородный дом,

где живут его теща с дочкой Фабиолой, на самом деле летит куда-нибудь в Вену или Берлин, на какую-нибудь выставку, и на следующий день она уже дома как ни в чем не бывало. Может, это заставляет каким-то волшебным образом закипать ее кровь? Помогает ей испытывать острые ощущения, которые так любят экстравагантные, оригинальные женщины? А Рита более чем оригинальна, и она постоянно твердит о свободе перемещения.

– Вы рассказываете очень интересные вещи, Алла.

– Да нет... Это весьма обычные вещи. И они происходят, как правило, в обеспеченных семьях.

– А как у вас у самой с этим обстоит дело?

– Да я сама постоянно так делаю! И мой муж ни о чем не догадывается.

– А если узнает?

– Он поймет меня.

Марк понял, что он отвлекся. Закруглил разговор со свидетельницей и перезвонил Локоткову.

4

13 декабря 20.. г.

Рита

Марк сказал, что не приедет в Пристанное – у него дела. С одной стороны, Рита расстроилась, потому что скучала по мужу, даже когда не видела его всего лишь сутки, но, с другой стороны, ей теперь никто не помешает поработать над портретом Наташи. Ксения Илларионовна, мать Риты, к гостям всегда относилась душевно, ее мало интересовало, каким образом человек попал в дом, а потому она восприняла присутствие Наташи с присущими ей гостеприимством и радушием. Раз дочери понадобилось привести в дом эту девушку, которая к тому же еще и согласилась позировать, значит, так и надо. Она приготовила для Наташи комнату, постелила постель, сказала Рите, что еда в холодильнике, и они с Фабиолой удалились в свою комнату – смотреть телевизор.

Первые минуты работы над портретом прошли в полном молчании. Наташа с задумчивым видом сидела, опершись на подлокотник мягкого удобного кресла, а Рита, устроившись за мольбертом, быстро набрасывала углем ее основные черты. Слышно было, как мягко и густо шуршит по плотной бумаге уголь, как тикают часы на стене.

Прежде ей тоже приходилось писать портреты, но, как правило, это были заказы, и их она выполняла по просьбе мужа. И каждый раз после этой работы она испытывала чувство неудовлетворенности, поскольку ей приходилось писать совершенно неинтересных – с эстетической точки зрения – людей. Писала она и портреты тех, кто являлся для нее прежде всего источником важной информации. Таким образом она помогала мужу выпытать у человека нечто важное, существенное, касающееся расследования очередного преступления. Реже встречались такие интересные экземпляры, вроде Наташи, работа над портретами которых доставляла Рите удовольствие.

При других обстоятельствах, если бы девушка не была так угнетена происшедшим с ней, Рита разговаривала бы с ней, они непременно нашли бы интересующую обеих тему для беседы. Сейчас же она боялась проронить слово, понимая, что невольно может задеть чувства своей новой знакомой.

Хотя вопросов было много. И первый – каким образом все же она оказалась в Пристанном? Какой-то человек подвез ее и бросил здесь, в летнем платье, среди сугробов... Вот бы найти этого негодяя! Хотя, возможно, в сознании девушки что-то спуталось, и все произошло совершенно иначе. Она могла сама приехать сюда на своей машине, или же ее могли привезти в Пристанное – в какой-нибудь дом. Предположим, она была в гостях, там с ней что-то произошло, после чего она слегка повредила рассудком, вышла на улицу, забрела в проулок, расположенный рядом с их домом, и принялась танцевать...

– Все, можешь немного отдохнуть, – сказала Рита, подойдя к своей натурщице и заботливо поправляя на ней теплый плед. – Может, хочешь пить или есть? Так ты скажи.

– Нет, Рита, спасибо. Я согрелась, мне хорошо. И я сыта. Может, вздремну, правда...

Она улыбнулась, и от сердца у Риты отлегло – Наташа разговаривала с ней, как вполне здоровый человек. Может, она постепенно придет в себя?

– Мне надо проводить Фабиолу.

– Какое интересное имя! Фабиола... Кажется, так звали одну знатную римлянку, занимавшуюся благотворительностью в древнее время. Она построила госпиталь, где лечила калек, больных и кормила голодных. Даже еду готовила собственноручно.

– Надо же, как ты хорошо знаешь историю. Молодец! Я-то назвала свою дочь так исключительно из-за красоты и таинственности этого имени...

– Да я так и поняла. Вы все, художники, – большие оригиналы. Все-то у вас не как у людей! Но мне это даже нравится. И дом твой, Рита, мне тоже нравится. Какой-то он невероятно уютный. Много пространства, высоты, что ли... И цветы... Когда у меня будет свой дом, я тоже займусь цветами. У балерины той тоже есть свой дом. Его купил для нее любовник, какой-то чиновник. Я была там, видела и дом, и цветы, и даже садовника. Я понимаю, она богатая, известная... Вот Федор и ушел к ней.

– Ты знаешь ее имя?

– Да, знаю. Нина Головки. Только она сейчас не танцует, а качается на качелях... На тех самых качелях, которые мы устроили в его студии, на чердаке, я же рассказывала.

– Да, кстати, ты сказала, что посадила там иву. Но это же большое дерево...

– Просто я нашла маленькую иву и посадила ее в большущий горшок с землей. И все. Пусть растет.

– Ладно, мы что-то заболтались. Мне надо сходить к дочери.

Рита вошла в комнату матери и увидела, что Ксения Илларионовна, обнявшись с внучкой, дремлет на диване перед телевизором.

– Мама... – позвала ее Рита. – Ты спишь?

– Нет, зайка, не сплю. Тебе что-то надо? – Мама открыла глаза, машинально поцеловала спящую Фабиолу и приподнялась. Тряхнула головой. – Ритуля, может, ты тоже отдохнешь? Все работаешь, работаешь...

– Мама! – прошептала Рита. – Не хотела тебе говорить, но, вероятно, придется. Мне нужна твоя помощь! Понимаешь, я ничего не знаю об этой девушке. Совершенно! Судя по всему, она пережила какой-то мощный стресс и оказалась на улице, в мороз, у нас в Пристанном, в летнем платье... Представляешь, я увидела ее танцующей на снегу!

Она в двух словах рассказала матери об утреннем происшествии.

– Рита! И ты молчала?! Да может, ее разыскивают близкие! Родные! А ты ее как бы украла...

– Мы договорились с ней, что она поживет у нас, попозирует мне, придет в себя. Ведь все, что произошло с ней, связано с тем местом, где она жила, понимаешь? Воспоминания, ассоциации. Вот я и подумала...

– Рита, да нельзя же так нахально пользоваться беспомощным положением человека! Вот уж не думала, что ты у меня такая эгоистка! Девочка, выходит, больна, а ты усаживаешь ее в нужную позу и начинаешь писать ее портрет... Да ей, может, требуется помощь врача, психиатра или психотерапевта!

– Мама... Ты поговори с ней – и поймешь, что ей уже значительно лучше. Но вообще-то я пришла к тебе с другим. Ты же понимаешь, что она не могла сюда прийти пешком из города. Так?

– А почему ты решила, что она вообще откуда-то пришла? Может, она живет здесь же, в Пристанном!

– Вот я и хочу, чтобы ты сходила к своим местным подружкам и спросила, не видели ли они Наташу здесь, в Пристанном. Может, она здешняя сумасшедшая, а мы не знаем! Я сделаю тебе снимок телефоном, ты поспрашиваешь?

– Конечно, Рита! Тем более что эта девушка живет сейчас в нашем доме... И все равно, хочу тебя предупредить: нельзя так поступать, как поступаешь ты. Представь себе (не дай бог, конечно), что это тебе стало так плохо, и ты закружилась в пространстве, потерялась, сбилась с ориентира жизни – совсем... временное сумасшествие. И тебя подбирает какая-то художница, селит у себя в доме и принимается писать твой портрет. А что делаю в это время я? Схожу с

ума от неизвестности, вот что! У этой девушки наверняка есть родители, может, даже муж... К тому же, ты уж извини меня, она может оказаться обыкновенной мошенницей, которая знает, кому принадлежит этот дом. Она может элементарно украсть твои картины!

– Ну, вот, я так и знала. Ты стала как Марк!

– Твой Марк правильно тебе все говорит. У него перед глазами знаешь сколько проходит преступников! Он вечно переживает за тебя и Фабиолу, а ты ведешь в дом кого ни попадя...

– Мама, да что с тобой?! Ты никогда не говорила мне подобных вещей. И я была уверена, что уж тебе-то можно довериться, и ты все поймешь!

– Я понимаю. Но ты тоже подумай хорошенько... Говоришь, девушка танцевала на снегу... В красивом платье. Вот если бы я, к примеру, захотела проникнуть в твой дом с целью ограбления, я бы действовала именно так. Не лично сама заявила бы сюда, а сделала бы все возможное, чтобы ты первая обратила на меня внимание. А для этого я сначала бы выяснила – что ты за человек, чем живешь-дышишь... Все, кто тебя знает, могут сказать о тебе, что ты любишь все красивое, что ты коллекционируешь красивых людей, у тебя на этом деле пунктик. Значит, надо сделать так, чтобы ты сама столкнулась нос к носу с этой самой красотой. Возможно, эта Наташа действует не одна, а в паре с каким-то очень умным человеком, который все это и придумал. Его расчет прост – ты должна увидеть красивую девушку в необычной обстановке, в интригующей одежде... Чтобы ты, любительница прекрасного, была заворожена этой картиной и не смогла не обратить внимания на девушку и, следовательно, пригласить ее к себе. Так все и вышло. Фиолетовая танцовщица на снегу. Прелестно!

– Ма!

– Что – «ма»? Ты, как жена следователя, должна быть бдительной!

– А если Наташа действительно больна оттого, что ее бросил молодой человек, и ей нужна именно моя помощь? Вот кто такая Нина Головки, к примеру?

– Балерина, – не задумываясь, ответила Ксения Илларионовна. Она уже встала и теперь сидела рядом с Ритой и разговаривала с ней напряженным «громким» шепотом. – Она раньше работала в нашем театре. Потом ее пригласили в Москву, но через некоторое время она вернулась. Вышла замуж за господина Жирнова, миллионера, между прочим, потом разошлась с ним и теперь живет одна, кстати говоря, тоже где-то на Волге, в собственном доме. Вроде бы она открыла хореографические классы в городе. А почему она тебя интересуется?

– Да это к ней, если верить этой Наташе, ушел ее парень, Федор! Она сказала, что дом, в котором живет эта Головки, купил ей любовник.

– Может, это другой дом. Да какая разница, кто ей его подарил? Может, у нее два или три дома.

– Ма! Прошу тебя, сходи к соседке (я сейчас сделаю ее снимок телефоном и принесу тебе), покажи ей фотографию Наташи, спроси, не знает ли она ее, не видела ли... Ну, не верится мне, что она мошенница.

– Ты знаешь, в каком состоянии она должна была находиться после танцев на снегу?

– Я поняла твою мысль. Да, она действительно страшно замерзла. Реально замерзла. Такое невозможно инсценировать.

– Может, ты и права. Но я бы на твоём месте была более осторожной. Да, еще... В голову почему-то пришло. А что, если ее присутствие здесь как-то связано с тем, чем занимается Марк?

5

13 декабря 20.. г

Марк

Марк со своим помощником, Левой Локотковым, обедали в кафе, ели грибную лапшу. Лева, по своему обыкновению, балагурил, шутил, а Марк с досадой думал о том, что он собирался сегодняшний вечер и ночь провести с семьей за городом, в Пристанном, но теперь, когда на него повесили это убийство Гарашиной, ему придется допоздна допрашивать ее мужа, друзей-знакомых, словом, работать. Домой, в свою городскую квартиру, он наверняка вернется за полночь и в который уже раз будет спрашивать себя – правильно ли он делает, что, вместо того чтобы жить нормальной семейной жизнью, он посвящает все свое время и отдает все силы расследованию убийств, которым все равно нет конца... Так и жизнь пройдет, думал он со скукой. Хотя, с другой стороны, он, как и все азартные люди, лукавил даже сам с собой, время от времени собираясь сменить работу, – но где еще он сможет испытать такие сильные эмоции и чувство глубочайшего удовлетворения после удачно завершенного дела? Да нигде! Он на своем месте, и об этом знают все его близкие и, конечно же, Рита. Она такая же, как и он, увлекающаяся натура, и если бы она не была художницей, то наверняка занималась бы расследованием убийств. Ей нравится все, что касается убийств. Она, с одной стороны, погружена в свое искусство, с другой – увлечена криминалистикой и находит особое удовольствие в том, чтобы понять мотивы различных видов убийств. И хотя в своем стремлении помочь ему, Марку, в расследованиях она нередко заходит слишком далеко и подчас рискует собственной жизнью, все равно, он понимает ее, переживает, страдает от невозможности как-то повлиять на ситуацию и любит ее такую, какая она есть – страстную, увлеченную, с оригинальным гибким женским умом, эмоциональную, стремящуюся к внутренней свободе, бунтарку...

– Все-таки согласишься, что грибная лапша без сметаны – это не то, – вздохнул Лева, подкладывая себе еще сметаны. – Я бы ее ведро съел, честное слово!

– Так и ешь. Впереди еще целый день и прорва работы. Тебе понадобятся силы. Вот только непонятно, куда делся этот Гарашин? У него жену убили, а он шляется где-то, – раздраженно проговорил Марк. – Но это мы с тобой так считаем, что ее убили, хотя на самом деле пока что так ничего и не ясно. Странная история! Может, действительно, покончила дамочка жизнь самоубийством, а мы с тобой тут развели такую бурную деятельность. Сколько человек ты пригласил на беседу?

– Девять. Общие их знакомые, со слов секретарши Гарашина... У нее есть список, Гарашин дал его ей в свое время для того, чтобы в случае какого-то семейного мероприятия секретарша обзвонила всех его друзей и сообщила о дате, времени и так далее. Хотя мне этого не понять. Неужели эти занятые люди так экономят на собственном времени, что не успевают даже позвонить своим друзьям и пригласить их на день рождения, поручают это своим секретаршам?

– Это их проблемы. Рита, например, сама всех приглашает и получает от этого удовольствие. Это нормально. Друзья для того и существуют, чтобы доставлять им радость. Иногда, когда есть время, Рита посылает приглашения почтой, с совершенно оригинальными текстами – каждому свой.

– Подожди... Кстати, о почте. Марк, тебе же передали письмо, еще утром, а я совершенно забыл!

– Письмо? От кого?

– Понятия не имею.

– Надеюсь, там не взрывчатка?

– Думаю, что нет, раз я столько времени ношу его с собой и пока еще не взорвался. К тому же, Марк, как ты сам понимаешь, невозможно постоянно думать о взрывчатках и бомбах, так можно и шизануться.

– Да, понимаю. Ладно, давай сюда письмо.

Локотков достал из кармана успевший помяться голубой конверт. Явно не почтовый. Без марки.

– Дежурному передали, написано, как видишь, «Марку Садовникову». Все. Больше – ни строчки.

Марк пощупал тонкий конверт, пожал плечами и разорвал его. Из него выпала фотография.

Марк внимательно рассматривал изображенную на ней худенькую молоденькую брюнетку в черном гимнастическом трико.

– Ну и что? – спросил он сам себя. – Что дальше?

– Кто это? – Локотков заглянул ему через плечо. – Симпатичная, между прочим. Ты знаешь ее?

– Первый раз вижу, – пробормотал Марк.

– Может, на обратной стороне что-то написано? – Локотков подтолкнул его в спину. – Ну же, Марк, не томи, покажи.

– Слушай, Локотков, это письмо кому адресовано: мне или тебе?

– Мне такие письма не приходят, – вздохнул Лева. – Но согласись, что девушка интересная. Вероятно, какая-нибудь твоя подследственная или родственница преступника. А может, свидетель?

– Вот именно... – неуверенно проговорил Марк, перевернул фотографию и увидел потускневшую надпись: «Марку от Татьяны».

– Знаешь, у меня такое чувство, что это письмо никакого отношения к твоей профессиональной деятельности не имеет, – хохотнул Локотков.

– Ешь свою лапшу и не суй свой нос в чужие дела, – рассердился Марк, встал из-за стола и подошел к окну. На улице валил снег. И хотя в кафе было хорошо натоплено, Марк почувствовал себя как-то неуютно – ему было холодно. Он подумал о Рите. Если она узнает об этой фотографии и особенно о надписи, то ему придется рассказать ей всю эту историю. А история нехорошая, очень нехорошая... *«И в том, что случилось с этой девушкой, есть и моя вина».*

Оказалось, что последнюю фразу он проговорил уже за столом, в присутствии Левы.

– Марк, разве такое вообще возможно?! Чтобы ты был в чем-то виноват, особенно когда дело касается женщины?

– Тебе смешно, а мне не очень-то, – нахмурился Марк, вспоминая Таню и все, что было с ней связано. – Но поверь мне, что история эта действительно дурно пахнет, и мне даже вспоминать о ней не хочется, не говоря уже о том, чтобы каким-то образом ворошить прошлое. Ладно, Лева, проехали.

– Но тебе пришло письмо, а это означает, что история еще не закончена. Что ты будешь делать с Ритой?

– В смысле?

– Ну... Если она узнает о существовании этой девушки?

– Лева, тебе не кажется, что ты лезешь явно не в свое дело?

– Я переживаю за тебя, – вполне серьезно ответил Локотков. – Знаю, что Рита – ревнивая, так же, как и ты. Может, мне встретиться с этой Таней, поговорить с ней?

– Ты что, спятил?! – заорал вдруг Марк, чем привлек к себе внимание посетителей, сидящих за соседними столиками. – У тебя явно не все в порядке с головой! И с чего ты взял, что мне требуется помощь?

– Ты бы увидел себя со стороны! После того как ты увидел эту фотографию, ты просто сам не свой. И бледный такой... Как ты думаешь, что ей от тебя нужно?

– Понятия не имею. Она ничего не пишет.

– А может, это вовсе и не она прислала фото?

– Лева, я ничего не знаю!

– Все равно, будь осторожен. Может, это даже и хорошо, что Рита сейчас живет за городом.

– Что ты имеешь в виду, Лева?!

– Да эти... бабы... Они такие. Особенно из прошлой твоей жизни. Могут заявиться к тебе домой, несмотря на то что ты женат, и начать трепать тебе нервы, портить жизнь... Наговорят кучу гадостей твоей жене о тебе...

– Лева, по-моему, ты сегодня нездоров. Несешь всякую чушь! Ни разу не слышал, чтобы такое было. Может, бывшие жены и ведут себя подобным образом, но только не... Словом, эта ситуация никак не подходит к Тане. И уж конечно, она никогда не была моей женой!

– Я говорю тебе только о том, через что я прошел сам, – покачал головой обиженный Локотков. – У меня разные истории случались. И все мои бывшие почему-то превратились в самых настоящих стерв!

– Это происходит знаешь почему? Потому что ты, вероятно, очень грубо обошелся с девушкой, по-хамски себя повел, так, что она никак не может тебе этого простить и забыть. И в определенный момент, когда происходит какое-то событие, связанное с тобой (возможно, она просто встречает тебя, счастливого, с другой девушкой или женой), это провоцирует ее на такое агрессивное поведение.

– Я уж не знаю, кем приходилась тебе эта девушка и как ты с ней расстался, но ведь она спусти... Кстати, сколько лет тому назад это было?

– Незадолго до того, как я встретился с Ритой.

– Так вот, вероятно, и ты насолил ей будь здоров, раз она снова дала о себе знать.

– Но я ее с тех пор не видел и ничего о ней не слышал.

– А ты наведи справки, выясни, где она, что с ней, с кем она живет... Ты должен подготовиться к встрече.

– Думаешь, она захочет меня увидеть?

– Я не знаю, что ей от тебя нужно, но это письмо что-то значит. Иначе она бы его тебе не прислала. Не хочешь рассказать, что у вас с ней произошло?

– Нет, – огрызнулся Марк. Он и так сгорал от стыда за этот эпизод из своей прошлой жизни и уж тем более не хотел, чтобы об этом узнал Локотков. Не тот он человек, чтобы делиться с ним такими подробностями. Хотя он понимал, что Лева желает ему только добра.

– Слушай, у нас тут убийство, и мне некогда заниматься подобными глупостями... И где, черт возьми, этот Гарашин?! – почти крикнул он, причем совершенно не то, чем были заняты его мысли.

Марк машинально достал записную книжку, полистав ее, нашел нужный номер и позвонил. Локотков смотрел на него с любопытством.

Марк довольно долго ждал, когда ему ответят, после чего, пожав плечами, набрал другой номер. Там откликнулись незамедлительно.

– Маша? Привет, это Марк Садовников. Звоню твоему мужу, Мишке, но он не слышит. Сто лет вас не видел. У вас все в порядке?

– Здравствуй, Марк, – ответил тихий женский голос. – Да уж, на самом деле – сто лет не виделись. У нас все в порядке, если не считать, что Миши больше нет.

– Как это?

– Тебе ли объяснять, как убивают людей?

– Ничего не понял...

– Мишу убили. Вчера. Я думала, что ты знаешь, я, честно говоря, ждала твоего звонка...

– Машка! Ты что, разыгрываешь меня, что ли?! – Марк вдруг испугался. Испугался так, как если бы точно знал, какая беда грозит его семье. – Я сейчас приеду! Ты дома?

– Да.

– Не знаешь фамилию следователя, который ведет ваше дело?

– Ильин Иван Сергеевич.

– Ваня? Я его хорошо знаю, он мой друг. Ладно, жди меня... Да, скажи хотя бы, как его убили? Где?

– Ему сделали инъекцию... Кто-то позвонил, Миша открыл дверь и, судя по всему, ему вручили букет роз. Вероятно, это был отвлекающий момент, потому что только таким образом можно было беспрепятственно всадить ему огромную иглу в руку...

– Где букет?

– Взяли на экспертизу. Марк, помоги... – Маша уже не могла сдерживать рыдания. – За что его убили?! Он же никому не хотел зла, он был добрейшим человеком...

– Я сейчас приеду, Маша. Держись!

Марк отключил телефон и посмотрел на Локоткова.

– Плохи дела, – сказал он. – Убили моего друга детства, Мишку Семенова. Мне надо поехать к вдове. Но я скоро вернусь, чтобы допросить свидетелей... А вы продолжайте искать Гарашина. Он – самый важный свидетель.

– Марк, ты не хочешь мне ничего рассказать? – нахмурился Лева. – Ведь ты не случайно позвонил ему, не случайно, я же все понял... Сначала эта фотография, а потом ты звонишь своему другу. Он тоже был замешан в этой вашей истории?

Марк ничего не ответил и быстро покинул кафе. Локотков еще долго смотрел ему вслед. После чего вздохнул, позвонил секретарше Гарашина и сказал, что сейчас он приедет, чтобы опросить всех работников офиса. Кто-то же должен был видеть своего шефа незадолго до того, как тот исчез.

6

10 декабря 20.. г.

Юрий Гарашин

– Ты никак не поймешь, что дело не столько в деньгах, сколько в твоём отношении ко мне. Вот ты все говоришь: люблю тебя, люблю... Но это же только слова! Ты докажи, что на самом деле любишь меня! Когда мужчина покупает своей любимой букет роз, он этим самым как бы оказывает ей знак внимания – вот, мол, я отношусь к тебе с нежностью. Но если задуматься, то не такой уж с его стороны это и подвиг... Подумаешь, заехал в цветочный магазин, купил цветы, а то и вовсе попросил свою секретаршу сделать это за него. Ну и что? Да, конечно, букет дорогой, но для тебя эта сумма ничтожна, согласишься. Вот когда человек отрывает действительно что-то от себя, от своего сердца, вот тогда действительно можно поверить в искренность его чувств. Разве я не права?

Она сидела в кресле, юная, красивая, и сама была похожа на нежный благоухающий цветок. Природа щедро одарила ее прелестным белокожим лицом, огромными янтарными глазами, золотистыми густыми волосами и чудесной фигуркой. И вся эта красота могла бы принадлежать Гарашину, если бы он, как правильно она заметила, был с ней щедр по-настоящему. Да, она умна, она все понимает, и про секретаршу тоже сказала все верно, словно сама присутствовала при том, как он просил ее – свою собственную секретаршу купить самый большой и дорогой букет роз. Но другие мужчины и этого не делают. Он сделал это от души, но в материальном плане это, конечно, сущий пустяк по сравнению с тем, что он может для нее совершить на самом деле.

Женечке было всего шестнадцать лет, и внешне она и выглядела как девочка, но природа, помимо красоты, наделила ее еще и умом, и она, такая юная, пользовалась этим, нисколько не стесняясь. Она играла на его чувствах, отлично понимая, что он сделает для нее все, лишь бы добиться ее, лишь бы она принадлежала ему. Они встречались уже почти полгода, и за это время он лишь украдкой поцеловал ее – и все. Находясь рядом с ней, Гарашин испытывал постоянный сексуальный зуд, который невозможно было назвать красивым словом «желание». Она, эта маленькая красивая девочка, в которой ему нравилось все, изводила его, как опытная, искушенная женщина. Она умело вела разговоры о любви, о физической любви, открыто дразнила Гарашина, провоцировала его на несвойственные для него поступки (так, однажды он сгоряча купил ей кольцо с бриллиантом), требовала от него постоянных доказательств его серьезных чувств к ней, а то и просто издевалась над ним. Но даже в эти минуты, когда он прекрасно осознавал всю наивность и неприкрытое желание своей потенциальной любовницы тянуть из него деньги, даже тогда она нравилась ему своей дерзостью, даже хамоватостью. Он прощал ей абсолютно все и, в сущности, уже давно пересмотрел все свои финансовые дела, чтобы понять, насколько он может ради нее раскошелиться. И получалось, что ее самое большое желание – иметь облюбованную ею квартирку в самом центре города, рядом с парком и тихим прудом.

Такое он мог позволить себе без всякого для себя ущерба. Дела его шли отлично, мебель, которую он делал по итальянским образцам, продавалась хорошо. Его псевдоитальянские мебельные магазины, на оформление и устройство которых он не поскупился (пришлось ремонтировать старые гнилые помещения, облицовывать их мраморными плитками и даже украшать декоративными колоннами, покупать драгоценные кружевные занавеси на высокие роскошные окна, дорогие растения, не говоря уже о том, что в магазинах покупателям всегда предлагалось кофе с печеньем), приносили хорошую прибыль. Поэтому исполнить просьбу Жени – купить ей квартиру, в сущности, для их же свиданий – ему было несложно. Хотя и

страшновато. А что, если и после этого она будет продолжать водить его за нос, намекая на то, что девственность нынче в цене?.. Что тогда? Не насиловать же ее! Но и отказаться от нее, запретить ей мучить себя он тоже не мог, это вносило в его однообразную и унылую личную жизнь свежую кровь, свежий воздух, любовь! Да, он любил эту девочку и начал понимать это только тогда, когда перестал откровенно жадничать, когда, тратя на нее деньги, причем немалые, сам начал получать от этого удовольствие. С женой, Сашкой, у него такого никогда не было. Конечно, он не особенно-то прижимал жену, покупал ей все необходимое, но чтобы потратить на нее несколько тысяч долларов за один вечер – такого с ним не случалось никогда. Да уже и не случится.

...Пригласив Женечку на снятую им квартиру в свой обеденный перерыв, Гарашин снова на что-то надеялся, и вот теперь, выслушивая ее бредни о высокой любви и серьезных отношениях, он даже забавлялся, понимая, насколько же корыстна его возлюбленная, насколько самоуверенна и, конечно же, наивна. Однако она ведет себя так, как не должна вести себя девушка, надеющаяся заполучить его себе в мужья. И вот этот факт несколько настораживал его. Почему она ни разу не заговорила с ним о браке, как это делали все его бывшие любовницы? У него до Женечки не было еще ни одной женщины, которая не мечтала бы развести его с Сашей и занять ее место. Как бы ни вела себя женщина, как бы ни пыталась скрыть свои истинные желания (смысл которых сводился к одному – обеспечить себе спокойную и сытую жизнь), все уловки и ухищрения, к которым она прибегала, все равно рано или поздно заканчивались разговором начистоту, то есть о возможности брака. С Женей же беседы велись исключительно о любви, преданности, высоких материях и больших деньгах. Создавалось впечатление, что ей брак был ни к чему, что она поставила перед собой вполне определенную цель – квартиру, и больше ей словно ничего и не было нужно. В сущности, получив желаемое, она может бросить его, Гарашина, мужчину много старше ее, годящегося ей в отцы, и зажить в этой самой квартире с каким-нибудь молодым человеком. Но это ей так кажется. На самом деле если он даже и подарит ей эту квартиру, причем оформит все на нее, поскольку другой вариант даже не обсуждается, то все равно у нее не получится избавиться от него. Просто она еще этого не знает, как не знает, по сути, и самого Гарашина, его твердый и настойчивый характер, его упертость, степень его привязанности к ней. Он никогда не отступится от нее. Да и как он может выпустить из рук эту красоту?

Он продолжал смотреть на нее, любоваться ее нежным лицом, стройными ногами, густыми волосами, струящимися по худеньким плечам, и понимал, что в своем вынужденном воздержании также можно найти особое, может, и не совсем здоровое удовольствие. Какое-то щемящее удовольствие, пахивающее мазохизмом. Если бы она, к примеру, подошла к нему и дала ему пощечину, обозвала его как-то грубо и непристойно, он возбудился бы еще больше... У него от представленного даже закружилась голова.

Потом с ним случилось то, что бывает с каждым человеком, который, подумав о чем-то неприятном, начинает испытывать внутренний душевный дискомфорт. Как перед визитом к стоматологу. Причем, подумав об этом, он словно забывает об истинной причине такого неприятного ощущения. Эта мысль становится ускользающей, как шарик ртути, и, наконец, поймав его, понимаешь, что да, это нечто существует, и от него никуда не денешься... Саша. Вот причина его плохого настроения. И как ему выбраться из этой ситуации, из этого брака – он пока не знал, хотя и понимал, что их отношения давно уже изжили себя, что он не любит эту женщину, что он раздражается всякий раз, когда видит ее. Ему неприятен ее запах, какими бы дорогими духами она ни душилась, сколько бы раз на день ни мылась. Это неистребимый запах нелюбви, и никуда-то от него не денешься, если ты вынужден спать с этой женщиной под одним одеялом. Вот как сладко, ярко, ягодно пахнет Женечка, так же кисло и уныло пахнет

его жена. Даже само ее имя – Саша – наводит на него уныние. И хотя она просит всех своих близких знакомых и друзей называть ее Алекс, сути это не меняет.

Сейчас закончится обеденный перерыв, и ему потребуется вернуться в офис, где у него назначены две важные встречи. А потом – пойти домой. Он любил свой дом, свою квартиру, свой огромный удобный диван, где можно устроиться после ужина перед телевизором. Свою спальню, с не менее удобной кроватью и стопкой любимых книг на ночном столике. Все это составляло часть его жизни, и иногда ему казалось, что он тратит столько сил только лишь для того, чтобы после тяжелого дня вернуться домой и расслабиться, получить максимум простых, доступных удовольствий, таких, как вкусная еда и мягкая постель, телевизор, опять же, и тело жены. Не жену, а именно ее тело, как инструмент, при помощи которого он сумеет разрядиться и получить то, чего не может добиться от Женечки. Чисто гигиенические сношения занимали не последнее место в его мужской жизни, но он был бы предельно счастлив, если бы вместо Сашки под ним постанывала все же так желаемая им Женечка.

Развод.

Развод лишил бы его ощущения дома. Он понимал это, так же, как понимал и всю сложность и необратимость последствий. С разводом он потеряет квартиру, которую так любит, со всеми этими привычными удобствами и удовольствиями. Потеряет мирные ужины и ту особую домашнюю тишину, которую он так ценит и без которой не представляет себе иного способа восстановления сил. Потеряет покой, который с появлением в его жизни Женечки, с ее непонятными, смутными еще желаниями и представлениями о совместном проживании, сменится нервным – и тоже непонятным – существованием, зависшим между полной неопределенностью и ощущением обманутости своих надежд. Да и кто сказал, что она захочет жить вместе с ним под одной крышей, что она будет варить ему какао по утрам и взбивать подушки по вечерам? Что изменит в ее-то жизни его развод? Да ничего хорошего из этого не получится. Разве что принесет ему лишнюю головную боль. Она наверняка захочет жить отдельно, и это будет счастье, если она вообще согласится продолжать с ним хотя бы какие-то отношения. А скорее всего, Женя расстанется с ним сразу после того, как влюбится в кого-нибудь по-настоящему. Причем она постарается обставить все очень красиво: не обойдется без высокопарных слов и убийственных упреков в его адрес: мол, если ты любишь меня, то не будешь мешать моему счастью...

Готов ли он к таким переменам? Или же им все-таки остаться любовниками (?) и жить раздельно? Но любовниками свободными. Но Женя-то свободна, она вольна делать все, что пожелает, и никто ей не указ. Она давно уже живет отдельно от родителей и навещает их исключительно для того, чтобы получить от них очередную порцию денег. Родители настолько сильно любят дочь, что позволяют ей все. Разве что кроме наркотиков.

А что Гарашин? Где его свобода? Ведь все его окружение (вернее, окружение их семьи) знает, что он хороший муж, что у них с Сашкой прекрасные отношения, что они – идеальная пара. Он и сам не знал, зачем они на людях играли в эту любовную игру, зачем вводили в заблуждение даже самых близких людей. Но так уж случилось, им было приятно демонстрировать свою «любовь», и в этой игре с самими собой они зашли слишком далеко, чтобы вот так сразу взять – и развестись. «Хотя, – рассуждал Гарашин, продолжая разглядывать Женечку, которая, казалось, задремала в кресле, пригласившись возле электрического камина, – какое мне, предположим, дело до того, что подумают обо мне мои знакомые?»

Ему вдруг захотелось подойти к притихшей и утомленной собственными глубокомысленными высказываниями Женечке, схватить ее, поднять, прижать к себе и унести в спальню, бросить на кровать и разорвать на ней одежду... В ключья – юбку, свитер!..

Свободы! Он так захотел свободы – до скрежета зубного! Чтобы все оставалось на своих местах, чтобы он по-прежнему возвращался после работы домой, в свою квартиру, да только чтобы его никто там не встречал. Он и сам сможет приготовить себе ужин. Или, что

гораздо удобнее, он наймет домработницу, которая будет поддерживать чистоту в доме и готовить еду. И которая к его приходу будет исчезать. Вот если бы Сашка исчезала перед его приходом! Он открывает дверь, входит в дом – а ее нет! Это было бы настоящим счастьем! Но как это сделать? Поговорить с ней начистоту? Предложить ей денег, откупиться от нее? Сколько раз он мысленно представлял себе этот разговор... Вот он приходит домой, они садятся за стол, и он говорит ей о своем решении развестись. Говорит о том, что не любит ее... Вот! Вот этого-то женщины и не прощают! Это самое больное – сказать, что не любишь ее. Но что тогда? Сказать, что ему просто хочется пожить одному. И ничего не говорить о любви... Словно к ним это вообще не относится. Сказать: «Саша, ты хорошая, ты замечательная, но у меня сейчас такой возраст...» Вот-вот! Сказать что-нибудь про свой возраст, прикинуться старым, придурковатым мужиком, у которого крышу сносит... Поверит? А что, если она станет его жалеть? Скажет, что ему надо бы показаться психиатру? Что он еще молод и полон сил! Как, как лучше построить этот разговор, чтобы и ее не обидеть, и сделать так, чтобы она исчезла? Чтобы взяла деньги, купила другую квартиру – и ушла из его жизни?

Гарашин перебирал в голове сотни вариантов разговора, но всегда получалось, что его жена так просто от него не отстанет. Что она будет бороться за него, как и положено бороться близкому человеку, жене. Что если он примется наговаривать на себя и представлять ей себя в невыгодном свете, то Сашка начнет его в этом разубеждать. Если же он скажет что-то обидное про нее, то она тем более никогда ему не уступит.

Может, устроить все так, чтобы она сама захотела уйти? Но что для этого нужно сделать? Застать ее с любовником, вот что! Нанять человека, который станет за ней ухаживать, который затащит ее в постель... И вот в эту самую минуту Гарашин и увидит ее неверность, и тогда у него появится козырь! И он просто потребует, чтобы она ушла. Он сделает вид, будто бы (так и быть!) он прощает ее, но они расстаются. Навсегда. Идеальный вариант! Да вот только не сможет он найти такого мужика, чтобы тот сыграл свою роль. У него нет таких, авантюрного плана, знакомых. Это только в кино и книжках все можно, а в реальной жизни пойдешь поищи такого артиста. Потом же все равно все всплывет, как всплывают утопленники...

К тому же все это довольно хлопотно. Кого-то нанимать, организовывать ее «неверность» – в этом кроется столько унижения и пошлости! Гарашина даже передернуло, когда он представил себе, как все это грубо инсценируется, как он застаёт свою жену в объятиях подставного любовника. Сашка далеко не дура, она все поймет. Она будет драться, она так просто не сдастся.

Вот если бы у нее на самом деле был любовник... Но разве у такой дуры может быть кто-то на стороне? Она же верная до тошноты... Алекс... Придумала себе новый образ, играет какую-то роль, развлекается, как может... Идиотка.

И почему она до сих пор не поняла, что он не любит ее, что она надоела ему, что у него есть другая? Она что, ослепла? Другие женщины чувствуют неверность мужа.

А может, то, что он в последнее время, пытаясь утолить свой сексуальный зуд, вызванный другой женщиной, обращается с ней, как со шлюхой, причиняя ей боль, унижая ее, она принимает за страсть, любовь? Вероятно, Сашка вообразила, что это она своим видом так распаляет его? Тогда, может, это он сам виноват в том, что она думает, будто бы он по-прежнему в нее влюблен? Тогда дурак – он сам.

И что же делать? Оставить все, как есть, он не способен. Он слишком дорожит своими, пусть и нелепыми и пока еще неопределенными отношениями с Женечкой. К тому же он дорожит и своим хорошо налаженным бытом. Он привык к нему, как к старой, затертой до дыр, но мягкой и удобной рубашке. У него найдутся силы для того, чтобы начать новый роман и даже

продолжить его. Но вот на новое обустройство, с риском потерять все, что было им нажито, сил не было – душевных. Он не готов был расстаться со своими привычками.

Выход напрашивался радикальный. Как удар топором. Раз – и нет головы. Она покатилась в корзину...

...Гарашин перебрался с кресла на пол, уселся на толстом ковре, обнял ноги своей возлюбленной, положил голову ей на колени. Он был счастлив в эту минуту. Невероятно счастлив, как если бы по-настоящему обладал этой девочкой. Правда, он не понимал, почему она так холодна с ним, почему она не хочет, чтобы он касался ее, целовал, обнимал. Он видел разных женщин, но все любили его, им нравилось все, что он делал с ними. Вероятно, она еще чиста, подумал Гарашин с особым, каким-то тайным удовольствием. Она просто не может пока еще перешагнуть эту грань, что отделяет ее, целомудренную девушку, от настоящей женщины, со всеми ее желаниями и чувствами. Но он сумеет ей помочь понять эти чувства, он будет с ней необычайно нежен...

И вот ради этого обладания он готов, по сути, на все. Даже на убийство жены.

Убийство жены. Как страшно это звучит! Но он и с Сашей будет нежен. Он нежно протянет ей стакан с ядом. Она выпьет, и он нежно положит ее на кровать. Потом он будет с нежностью смотреть на ее последние конвульсии...

Он вдруг очнулся и замотал головой. Ему стало дурно. «Господи, прости!» – прошептал он и перекрестился.

7

13 декабря 20.. г.

Рита

Рита вернулась к Наташе, стараясь не показывать вида, что она нервничает. Действительно, все как-то очень уж странно. Девушка, на снегу, танцует...

Наташу она застала снова спящей. Что ж, и это естественно. Девушка после перенесенного стресса, да еще и продрогшая, именно таким образом должна набираться сил – спать, спать и спать. Главное, чтобы у нее не поднялась температура.

– Может, ты ляжешь и хорошенько выспишься? – спросила Рита, когда Наташа открыла глаза и уставилась на нее в полном недоумении, словно не понимая, где и у кого она находится.

– Нет. Глупо, конечно, но мне лучше сидеть здесь, с вами, чем оставаться одной в комнате. Мне кажется, что если я лягу в постель, то снова вернутся мои кошмары.

– Хорошо, поступай, как хочешь. Мне-то лучше, если я поработаю над портретом. Знаешь, у тебя такое интересное лицо... Ты не будешь возражать, если я сделаю несколько снимков? Ведь может такое случиться, что ты вернешься домой, а портрет еще не будет закончен. И вот тогда мне пригодятся эти снимки. – Она лгала неумело, грубо и старалась при этом не смотреть Наташе в глаза.

– Можно сфотографировать хорошим фотоаппаратом, – вдруг ледяным тоном проговорила Наташа и взглянула на Риту совершенно другим, новым, обжигающим взглядом. – Вы хотите сделать мои снимки, чтобы показать их своим близким или соседям и навести обо мне справки? Не местная ли я сумасшедшая? Но лучше этого не делать, а просто дать мне возможность покинуть ваш дом. Я и так слишком задержалась здесь.

Рита смотрела на нее и видела теперь в ней не слабую, измученную страданиями женщину, а затравленного и агрессивного зверька, способного больно укусить в запальчивости – даже того, кто пытается оказать ему помощь. Удивительно! Несмотря на перенесенный стресс, она проявила самообладание и проницательность. Как ни странно, но на Риту это произвело неожиданно хорошее впечатление – ее опасения хотя бы насчет того, что ее невольная натурщица психически нездорова, не подтвердились. В остальном они разберутся между собой.

– У тебя есть дети? – спросила Рита холодноватым тоном, стараясь не допустить в разговоре извиняющейся ноты.

– Нет... А при чем здесь дети? – пожала плечами Наташа.

– Вот если бы были, то и инстинкт самосохранения, поверь мне, у тебя был бы более развит. У меня дочь, понимаешь, и я должна быть уверена, что у меня в доме – нормальный человек, что моей дочери ничто не грозит! Ты же хотела правду, вот и получай! Ты танцуешь под моими окнами в мороз, в каком-то невероятном цветочном платье, под снегом, обдуваемая ветром, в твои волосы забивается снег, а я должна воспринимать это как норму?

– Ну, нашло на человека... Со всеми бывает... Вот если бы вас бросил муж, что бы вы стали делать? Как бы вы себя вели?

– Не знаю, как-то не задумывалась над этим.

– Это больно, поверьте мне. Вероятно, это был мой болевой порог, пик... И я не выдержала, сорвалась. Но благодаря вам пришла в себя, согрелась не только телом, но и душой. Да, наверное, вы правы и должны хотя бы немного узнать обо мне... Но я не солгала вам, ни капли. Все, что я рассказала, – чистая правда. Я могу дать вам адрес, где живет мой парень с этой балериной. К тому же, Рита, это вы сами предложили мне побыть у вас, не так ли? А теперь вдруг разговариваете со мной так грубо. Я могу уйти прямо сейчас.

Рите стало стыдно за свое поведение. Она почувствовала себя ужасно, ей захотелось извиниться перед Наташей, даже обнять ее, прижать к себе, давая тем самым понять, как она раскаивается в случившемся. Но, с другой стороны, после разговоров с Мирой и мамой ей показалось, что она на самом деле поступила неосмотрительно, позволив незнакомой полусумасшедшей девушке пожить у нее. Подумаешь, портрет... Можно встретиться с ней позже, когда Наташа выкарабкается из своей депрессии, и договориться о сеансах.

Но что с ней делать теперь? Как правильно поступить? Отправить ее домой, вызвав такси? Или отвезти на своей машине? Или же вообще попросить Марка, когда он вернется, отвезти ее домой... Так. Стоп. Он же не приедет сегодня в Пристанное. Как жаль! Она бы рассказала ему о Наташе, посоветовалась. Хотя... Разве она не знает, что он ей скажет? Он, так же, как и Мира, и мама, станет упрекать ее в том, что она ведет себя, как ребенок, доверяясь всем подряд, что она, взрослая женщина, впускает в свой дом, набитый ценными вещами и своими работами, посторонних людей. И самое ужасное, что это – чистая правда. Но, с другой стороны, если во всех видеть преступников, так недолго и сойти с ума... Что же это получается? Теперь ей придется просить Марка проверять всех ее натурщиков? Или же забыть про портреты и вернуться к натюрмортам?

– Пойми меня правильно, Наташа. Сейчас, когда я понимаю, что тебе стало значительно лучше и что ты вполне владеешь своими чувствами и находишься в здравом рассудке, я могу признаться в том, что меня насторожило в тебе... Слишком много совпадений. К примеру. Как могло такое случиться, что ты оказалась рядом с моим домом, да к тому же еще и в таком вызывающем виде, что я, художница до мозга костей, просто не могла бы не обратить на тебя внимания? Ты до сих пор не можешь объяснить, как здесь оказалась. Еще: откуда тебе известно о древней римлянке, занимающейся благотворительностью, – Фабиоле? Моя дочь носит это имя, причем имя чрезвычайно редкое. И я назвала ее так не в честь этой вполне достойной уважения женщины, а скорее из-за его оригинального звучания. Мне показалось, что у девушки с таким именем будет интересная жизнь, судьба... Я уверена, что мало кто во всей России знает хотя бы что-нибудь о Фабиоле. Создается впечатление, будто бы ты хорошо подготовилась к тому, чтобы появиться в моем доме, понимаешь? Или же кто-то, на кого ты работаешь, подбирается ко мне, к моему дому, к моим картинам. Что скажешь?

– Мне нечего сказать... Самое лучшее в создавшейся ситуации – это отправить меня домой. К тому же я действительно уже чувствую себя хорошо.

У Риты зазвонил телефон.

– Рита? – услышала она голос Марка и обрадовалась.

– Ты приедешь?

– Рита, мне только что позвонила Ксения Илларионовна и рассказала мне, что ты снова впустила в дом какую-то сумасшедшую... – Чувствовалось, что Марк сильно нервничает. – Она сидит и ждет, когда ты принесешь ей телефон со снимком этой девицы, а ты все не идешь и не идешь. Она не знает, как себя вести, переживает за тебя, а ты, моя дорогая, как всегда, в своем духе – всем веришь, всех собираешься облагодетельствовать. Лучше бы ты больше времени уделяла нашей дочери, вот!

Рите, чтобы голоса Марка не услышала Наташа, пришлось выйти из комнаты.

– Послушай, я отправлю ее домой. Отвезу сама...

– Нет, ни в коем случае. Вызови такси, и все. То, что мне рассказала Ксения Илларионовна, полный бред! К тому же эта девица так и не объяснила тебе, каким образом она оказалась в Пристанном. Да это же чистой воды подстава! Тебя разводят, как девочку! Смотри, чтобы она не обокрала тебя, не унесла какой-нибудь твой натюрморт. Может, ты забыла, что на прошлой неделе несколько газет писало о том, что твои работы будут выставлены на аук-

ционе Доротеу в Зальцбурге? И что? Тебя не смутило, что буквально через несколько дней после этих публикаций в нашем доме появляется эта странная особа, имитирующая душевное заболевание...

– Хватит тебе, Марк, отчитывать меня, как девочку! Хорошо, я сделаю так, как ты говоришь, отправлю ее домой. Вот прямо сейчас и вызову такси... А ты? Когда ты приедешь? Мы же договаривались, что ты будешь возвращаться в Пристанное. Я переживаю за тебя...

Она хотела сказать: а вдруг и у тебя появилась на стороне какая-нибудь балерина? Но сдержалась. Побоялась оскорбить Марка своим недоверием.

– Вообще-то я собирался позвонить тебе по другому поводу, – сказал Марк и, как показалось Рите, вздохнул.

– Что-нибудь случилось? Очередное убийство?

– Это-то да... – как-то странно проговорил Марк. – У нас новое дело... Убили женщину. Но я хотел рассказать тебе о другом. Ты же знаешь Мишку Семенова...

По голосу мужа Рита определила, что случилось нечто непоправимое.

– Марк, что с ним? – Она знала, что это его друг, и, хоть они виделись редко, все равно Марк всегда говорил, что Мишка – его лучший друг, самый преданный. Знала Рита и его жену, милую, с чудесной улыбкой – Машу.

– Его больше нет. Ты вот говоришь, Рита, что я чрезмерно подозрителен, что я веду себя порой как идиот, которому повсюду мерещатся преступники, но ведь я и вижу их каждый день, понимаешь? И моего друга, Мишку, тоже убили! Кто-то пришел с букетом, в котором был скрыт шприц, ему сделали инъекцию – и все, Мишки больше нет... А ведь он был самым миролюбивым существом на свете! Он никогда и ни с кем не конфликтовал... Может, он порой и не знал, как себя вести в том или ином случае...

Марк вдруг замолчал. Рите показалось, что он плачет.

– Марк! Что с тобой?

– Будь осторожна, Рита. Вы с Фабиолой для меня – самые дорогие люди... Я постоянно думаю о вас, о тебе, Рита. Будь внимательна, все это серьезно!

– Но что – серьезно?!

– Все, я не могу больше говорить...

Она вернулась в мастерскую. Наташа сидела прямо, готовая в любую минуту встать. В ней чувствовалась какая-то собранность, настороженность.

– Знаете, Рита, мне тоже надо позвонить... Одной своей знакомой. Вы не одолжите мне свой телефон?

– Да, конечно, – Рита протянула ей свой телефон. – Если хотите, я выйду...

И, не дожидаясь ответа, Рита покинула мастерскую, дошла до кухни, там налила себе воды, выпила. Из головы у нее не выходил этот разговор с Марком. Мишку Семенова убили! Марк прав, он действительно был на редкость неконфликтным человеком, и непонятно – кому он помешал? Кто и за что убил Мишу? Два самых трудных вопроса.

Его могли убить только по одной-единственной причине – он оказался случайным свидетелем преступления. Кто-то побоялся, что Мишка, возможно, что-то увидел или услышал, и убил его. Как жалко парня! Совсем молодой. Что же теперь будет с Машей?

С мыслью о том, что ей надо бы позвонить Марии и выразить ей свои соболезнования, Рита вернулась и постучала в дверь своей мастерской. Еще подумалось ей тогда, что как-то это странно – она стучит перед тем, как войти к себе же в мастерскую, в свою святая святых! А вдруг эта Наташа на самом деле, пока ее там не было, украла что-нибудь? Мастерская просто забита работами. Пухлые папки с эскизами, пачки пастельных набросков, полки с коробками, в которых хранятся работы маслом, ожидающие своих рамок. Все это стоит немалых денег.

Однако, войдя в мастерскую, Рита подумала, что Наташа за это время даже с места не сдвинулась. Да и взгляд у нее был какой-то потухший, усталый.

– Я позвонила подруге, она дожидается меня возле моего дома и переночует у меня, чтобы мне не было так страшно... Так что можете вызывать такси. А деньги я вам потом верну. И одежду тоже.

– Хорошо, Наташа. Я приготовлю твоё платье, уложу его в пакет.

Рита чувствовала себя ужасно. Обстоятельства ее жизни складывались таким образом, что, вместо того чтобы вести себя естественно, идти по жизни с распахнутым сердцем и открытой улыбкой на лице, ей приходилось постоянно чего-то опасаться и быть грубой с людьми, которым, кстати говоря, возможно, требуется ее помощь. С одной стороны, Марк прав, конечно, но с другой...

Она вздохнула. На что Наташа моментально отреагировала:

– Не берите в голову, Рита! Я понимаю вас. Вы – увлекающаяся натура. И на самом деле – все это выглядело более чем странно. Это мое появление перед вашими окнами... И то, что я каким-то невообразимым образом, случайно, запомнила историю этой древней римлянки, носящей такое же имя, как и у вашей дочери... Цепь случайностей. Я не обижаюсь. Больше того, я вам очень благодарна за то, что вы приютили меня, когда я находилась на грани. Может, это только благодаря вам я не сошла с ума. Ладно, давайте уже, вызывайте такси. Тем более что подруга меня ждет.

Рита, вконец расстроенная, позвонила и вызвала машину. И, как ей показалось, незаметно для Наташи, которая тем временем приводила в порядок свои волосы перед зеркалом, сфотографировала ее телефоном, причем несколько раз. Звук щелчка она заглушала покашливаниями.

– Да вы не бойтесь, щелкайте... – вдруг, обернувшись, с насмешливой улыбкой проговорила Наташа. – Говорю же, возьмите хороший фотоаппарат!

– Вы серьезно?

– Вполне.

– Хорошо. Вы уж извините, что так все по-дурацки получается... Но я надеюсь, что мы еще увидимся. У вас очень необычное лицо, оно так и просится на портрет. Подождите минутку, я сейчас принесу свою «лейку».

«Чтобы подняться в спальню за фотоаппаратом, мне понадобится еще несколько минут», – подумала, стораая от стыда за собственные мысли, Рита. Но все равно пошла, потом побежала, взяла фотоаппарат, схватила по пути свою дубленку, сапоги, вернулась, запыхавшаяся. С какой-то мертвой улыбкой на губах она принялась щелкать фотоаппаратом, представляя себе, как позже будет делать зарисовки для портрета. Кружилась вокруг своей несостоявшейся натурщицы, испытывая нестерпимый душевный дискомфорт, с одной стороны, и тихий эстетический восторг – с другой.

В дверь мастерской постучали.

– Рита, там такси... Уже минут пять, – сказала смущенно Ксения Илларионовна, глядя на дочь с виноватым видом. В том факте, что за «гостьей» приехало такси, была и ее вина. Ведь это она позвонила Марку и рассказала обо всем, что происходит в доме.

Сказала и исчезла.

– Вот, Наташа, надевайте дубленку, сапоги. На улице мороз.

– Спасибо, Рита. Вещи я верну.

– Вот моя визитка, звони, если что, и возьми немного денег, – Рита вложила ей в руку несколько тысячных купюр. – Мало ли... И не забудь пакет со своим роскошным платьем.

– Спасибо, – поблагодарила Риту Наташа и даже прослезилась. – Я все верну... Потом.

Она уехала. Рита с Ксенией Илларионовной постояли какое-то время на пороге. Потом они вернулись в дом.

– Прости меня, Рита, за то, что я позвонила Марку. Но мне действительно было как-то не по себе... Скажи, ты ведь не сердишься на меня? Поверь, мы с тобой одинаковые, доверчивые, относимся к людям так, как хотели бы, чтобы они относились к нам. Но я замечаю, что меняюсь. Вот как я начала понемногу вникать в то, чем занимается твой муж, так во мне словно стало что-то переворачиваться. Поняла я вдруг, как много вокруг зла! Ты же знаешь меня, Ритуля, мой дом всегда был открыт для людей. Но сейчас я не могу вести себя как прежде. Я боюсь за тебя, за свою внучку, которая, между прочим, вырастет такой же доверчивой, как и мы с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.